

Ольга Шерстобитова

ЛЕДЯНОЕ
СЕРДЦЕ

Ольга Сергеевна Шерстобитова

Ледяное сердце

Серия «Сказочный мир»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620825
Ледяное сердце: Avtorskie-txt; 2022*

Аннотация

Кто в наших краях не слышал историю об Охотнике с ледяным сердцем? Из-за чужих злых чар он не способен любить. Встреча с ним означает гибель. Никто больше не станет ради него рисковать собой, желая помочь и спасти.

Я и не думала никогда, что однажды накануне Ледяной полночи, мне не оставят выбора. И что я отправлюсь в заснеженный лес искать свою судьбу. И ей неожиданно окажется мужчина из самой страшной сказки на свете.

Но разве я способна отступить, когда искренне полюбила? Я точно знаю: любовь сильнее всех злых чар на свете! И именно она способна растопить даже самое ледяное сердце!

Ольга Шерстобитова

Ледяное сердце

– И многие смельчаки отправлялись в Ледяную Полночь искать дорогу к счастью. Говорят, что стерегла ее чародейка с каменным сердцем. И лишь единицы возвращались, не поддаваясь ее чарам. Звенел по утрам колокол чуть ли не в каждой деревне, возвещая о новых смертях. Бояться стали люди, таяла храбрость в их сердцах, прятались они по домам и больше не искали в колдовскую ночь свою судьбу.

Много воды утекло с тех пор... Настало время, когда люди совсем перестали верить в волшебство, и оно от них ушло.

Но жил в одной деревне юноша – охотник. С собой он был прекрасен, а сердцем – смел. Может, и пугали его чары Ледяной Полночи, но желание подарить людям надежду было сильнее. Ступил он на заветную дорогу, встретился с чародейкой, победил, но убивать не стал. Был он великодушен, за что и поплатился.

Коварна оказалась чародейка. Сказывают, что убеждала она его остаться, признавалась в любви, уговаривала забыть земные тревоги и радости, обещала дать стрелы, разящие без промаха. Только разве он послушался? Тогда чародейка сделала вид, что отпускает храброго юношу и даже поможет ему вернуть людям волшебство. Для этого всего лишь и нужно – коснуться ее рукой, и получит он частицу магии. Юноша

так и сделал. И в тот же миг окутали его чары, заморозили.

И сердце у него теперь ледяное, застывшее, любви не знавшее... Нет в нем ни жалости, ни страха, ни радости...

Голос нянюшки звучал убаюкивающе, ласково. И даже разыгравшаяся за окном буря, бросавшая в слюдяные окна пригоршни снега, казалось, на время притихла и прислушалась.

Часть девушек, находившихся в горнице, сладко зевала, не особо прислушиваясь к нянюшкиным сказкам. Их волновало, чтобы не спутались нити при вышивании. Как-никак, большинство из присутствующих готовило приданное и следило за тем, чтобы стежки ложились ровными.

Любава, голубоглазая и светловолосая, дочь купца Апполы и лучшая подружка моей сводной сестрицы Мирославы, откинула тугую косу, перевитую ярко-синими лентами, поправила свечу, оплывающую в кружке, и затянула невеселую песню о девичьей доле.

Я обреченно вздохнула, натянув нить, что накручивала на прялку, и порезала палец. Капля крови слегка замарала пряжу. Я поморщилась и понадеялась, что никто моего промаха не заметил. Мачеха у меня злющая, увидит хоть один недостаток в пряже – мало не покажется. Нет, я ее не виню. Мачехи... они все такие, даже в сказках. Не любят чужих детей, не дарят даже частицу тепла, хотя вроде бы это несложно.

Матушка, когда была жива, всегда говорила, что сердце у человека – как солнце. Сколько ни отдавай жара и любви,

не убудет, лишь станет больше. Иногда я сомневаюсь, есть ли у Агарьи, моей мачехи, сердце. И если имеется, из чего оно сделано? Из камня, который мне не проломить? Или из льда, растопить который невозможно?

Песня Любавы закончилась, и девушки затагнули следующую, не менее тоскливую. Я бы лучше послушала нянюшкины сказки. Но Мирослава с подружками лишь посмеивались над старушкой. Сводная сестрица уже взрослая, почти невеста, какие тут сказки? Наверняка на днях к ней кто-нибудь придет свататься. Еще бы! Мирославе в приданое достанется отцовский дом и сундук золота, не считая многочисленных перин и вышитых сорочек. Мне же замужество не светит. Кто возьмет бесприданницу? Мачеха убедила отца, что в приданном я вовсе не нуждаюсь. А он, влюбленный, потерявший разум, слушает ее сладкие речи, в которых мне чудится змеиное шипение.

Я достала шерсть из корзины, закрепила на прялке и подавила очередной вздох. Спину уже ломит от натасканных сегодня ведер с водой, и глаза слезятся. В углу, где я сидела, света мало, но зато иногда можно отвлекаться и смотреть на узоры, оставленные на окнах. Красивые, вычурные, ажурные... В детстве я верила, что по свету гуляет Охотник, который выпускает белые стрелы. Те летят, подхватываемые северными ветрами, рассыпаются снежными хлопьями. Жаль, что сердце у этого Охотника ледяное.

Хороша нянюшкина сказка! Так в душу западает, что на-

чинаешь невольно верить, что где-то этот Охотник есть. И ждет свою суженую, которая сможет растопить его сердце, согреть, уничтожить злые чары. Раньше же он тоже был человеком...

– Анна, принеси свечи, закончились, – крикнула Мирослава, и я от неожиданности вздрогнула.

Отложила работу, поднялась и выскользнула из горницы. Половицы в доме, укрытые лоскутными половиками, поскрипывали, дополняя песню снежной стихии. Я нырнула в чуланчик, нашла свечи и уже собралась было выйти, как услышала приближающиеся шаги. Затаилась, сама не зная, зачем.

– Ох, не повезло девке, – раздался голос нашей кухарки Липы, дородной и румяной, как пирожок.

Лишь она да старая нянюшка меня жалели да изредка баловали.

– Думаешь, отдадут нашу Аннушку за Фрола?

– Хозяйка уж сосватала. Завтра придет...

Я сжала пальцы в кулаки, все еще не веря услышанному. Сердце ухнуло вниз, я опустилась на колени и постаралась перестать дрожать. Очень уж хорошо представляла, кто такой Фрол – вдовец, похоронивший четырех жен. Ни одна и года не прожила, как вошла в его дом – богатый, добротный, но... На селе такие слухи ходили, что он с женами делает – одни другого страшнее. И как быть? Что делать? Отговаривать мачеху бесполезно, а батюшка еще в отъезде. Да и не

станет он меня слушать, как заколдованный ходит. Уж чем его Агарья приворожила? Не знаю. Бежать? Куда? Нет у меня ни родных, ни друзей. Да и зима за окном. Метель такая, что света белого не видно.

Но решаться надо сейчас, потом будет поздно. Запрет меня мачеха в горнице до самой свадьбы. Я вздохнула. Главное – успокоиться и мыслить разумно, не поддаваясь чувствам. И значит сейчас не подать виду, что я что-то знаю, ни в коем случае не выдать себя. А когда все заснут, собрать котомку и... идти. Лучше замерзнуть в метели, чем... Мысли путались, и чтобы перестать паниковать, я взяла свечи и вернулась в комнату.

– За смертью тебя посылать, – ворчливо сказала Мирослава, звеня бусинами на расшитой повязке. – Мы уже закончили все, расходимся. Пора к Ледяной Полночи готовиться. А ты здесь убери да на кухню иди Липе помогать.

Девушки разошлись, нянюшка поправила платок на голове и внимательно посмотрела на меня.

– Дверь-то прикрой, сквозит...

Я выполнила ее просьбу, собрала пяльцы и разбросанные по лавкам клубки, взялась за веник.

– Бежать тебе надо, – неожиданно сказала нянюшка.

– Что?

– Недоброе она затеяла. Не знаю что, но...

– Меня за Фрола замуж хотят отдать, – всхлипнула я, не сдержавшись.

Уж от нянюшки скрывать такое точно не стоит. Она нахмурилась, вздохнула.

– Тропинку, что за старым дубом начинается, знаешь?

– Да.

К чему этот вопрос?

– У тебя два выхода, Аннушка. Пойти по ней и надеяться, что тот, кто встретится тебе на пути, не убьет. Или же... выйти замуж за Фрола и умереть.

– А может батюшка...

– Нет. Метель такая разыгралась, что он нескоро вернется. Да и станет ли вмешиваться? Сама знаешь, приворожила его Агарья, каждому ее слову верит. Решать тебе, Аннушка.

Я подумала и снова всхлипнула. Страшно. Куда ни поверни, что ни выбери – страшно. До темноты в глазах.

– А кто может встретиться на тропинке?

Мой голос звучал сипло и тихо.

– В Ледяную Полночь – кто угодно. Твоя матушка встретила твоего отца, – нянюшка смахнула слезу. – А Лизавета, дочка старосты, смерть. В любом случае, ты отправляешься искать судьбу.

И хотелось бы верить, что она будет лучше той, что уготовила мне мачеха.

* * *

Пока я шла до заветного дуба, было не страшно. За спиной

маячила огнями деревня, из небольшой котомки я доставала сдобные сухари с маком и хрустела, пытаясь себя приободрить. Метель уже стихла, на небе высыпали яркие звезды, но я знала, что это затишье ненадолго. Буря вернется через час или два, снова наметая сугробы. Я и сейчас в них проваливалась, пробираясь к дереву. Остановилась и отдышалась, потрогала шершавую кору, оглянулась. И немножко, самую чуточку, позволила себе побояться.

За деревьями мелькали огни, такие желанные, манящие, но мне туда путь заказан.

Тропинка, как ни странно, была не замечена снегом. Будто бы ветра обошли ее стороной. Может, и правда, волшебная? Я всегда верила в чудеса, пусть они со мной и не случались. А в Ледяную Полночь на сказку надеешься больше, чем следовало бы. Да и что мне еще остается?

В лесу было подозрительно тихо. Даже ветер не гулял среди голых веток. Крючковатые, а чаще всего тонкие и черные, они казались мне жуткими. Но главное – не сойти с тропинки!

Шла я безумно долго, или мне так показалось? Сухари, по крайней мере, закончились, а сбитень, настоящий нянюшкой на травах, я берегла. Непонятно, сколько мне еще плутать. В ночь, когда наступает Ледяная Полночь, мир меняется, время растягивается, а самые заветные желания исполняются. Это каждый знает. Но не каждый в подобное верит.

Тропинка все тянулась и тянулась, а потом я увидела...

оленя. И даже растерялась. Могучий зверь бил копытами, смотрел по сторонам огромными темными глазами, но уйти не мог. Рога запутались в ветках. Я осторожно подошла.

– Не бойся, я помогу.

Зверь фыркнул, насторожился. Я потянулась к веткам, стала отодвигать. Олень послушно стоял и не пытался мне мешать. Умный. И я почему-то совершенно его не боялась, хотя должна бы. Рогами может так ударить, что смерть встретишь. А какие у оленя знатные копыта...

Я освободила зверя, развернулась и сдавленно охнула. В десяти шагах от меня стоял мужчина с натянутой на тетиву лука стрелой. Я, не думая, заслонила зверя, потому что убивать его нельзя. Он такой красивый, сильный и... мне понравился. Против я. Вот.

– Уйди, – голос отдавал таким холодом, что я невольно поежилась. – Олень – моя добыча.

– С чего бы? Я его первая встретила. Так что он – моя добыча. И я его намерена отпустить.

В лесу воцарилась тишина. Я же рассматривала незнакомца. Черты лица острые, угловатые, но глаза ясные, синие. Только... лед в них. Будто и неживой мужчина передо мной стоит. И легкий белый полушубок, расшитый серебряными поблескивающими нитями, лишь добавляет ему холода.

– Смелая, – внезапно сказал он, опуская лук.

Олень, словно почувствовав, что свободен, рванул в чашу.

– Ты не замерз? – вопрос возник сам собой.

Мужчина удивленно приподнял брови.

– Замерз?

– Ну да. На тебе ни шапки, ни шарфа, ни варежек. Вот, возьми мои рукавицы, – я подошла и протянула их незнакомцу.

Мужчина уставился на меня и... расхохотался. Смех у него был звонкий, чистый. С дерева посыпался снег, и я недовольно отряхнула его с воротника и шапки.

– Ты хоть знаешь, кто я? – спросил он, резко перестав смеяться.

– Моя судьба.

– Кто?

В синих глазах опять сквозило удивление.

– Моя судьба, – терпеливо пояснила я.

Он сощурился, оглядел меня с ног до головы.

– Приданного нет, ты уж извини, но хозяйство я вести научилась. Могу обеды варить, прясть, полы мыть, кур кормить, – я щедро перечислила то, что сочла нужным, решив не упоминать, что с остальными домашними заботами у меня проблемы. Большие.

Незнакомец потряс головой, словно отгонял от себя мираж.

– Я – не твоя судьба. Уходи, пока жива.

Голос звучал раздраженно, глухо, а его пальцы побелели, сжимая тетиву лука.

– Моя, – упрямо сказала я. – Не за оленя же мне замуж

ВЫХОДИТЬ.

– Да с чего ты решила, что я гожусь в женихи? – голос вроде бы и ледяной, но в нем чувствуется злость и... надежда.

– А ты ничего не знаешь? Тропинка-то волшебная, – заметила я. – Здесь все встречают свою судьбу. Мои родители, к примеру...

– Уходи, – он оборвал меня, не дослушав, и вгляделся в темноту ночи.

– Почему? Не нравлюсь? Нет, я понимаю, что не красавица, да и характер у меня не очень, но шанс-то можно дать, верно?

– Умрешь, – ледяным голосом отозвался он.

– Можно подумать, что если выйду замуж за Фрола, долго жить стану! Да лучше снова свою стрелу направь, как на того оленя, но уже в меня! – вспыхнула я.

Мы помолчали.

– Давай пойдем уже, а? Холодно.

Я с надеждой посмотрела на мужчину.

– Куда?

– В тепло.

Знаю, ответ прекрасный. Но Ледяная Полночь – она такая... необыкновенная, доверчивая, наполненная волшебством и немного сумасшедшая.

– Ты же знаешь, что не можешь ей отказать, – раздался звонкий голос.

Я резко обернулась. На тропинке стояла женщина. Бело-

снежное платье, расшитое, казалось бы, из множества снежинок окутывало ее фигуру. В белых волосах сверкал жемчуг, но я пригляделась и поняла, что это льдинки. И вся она была такой белой, воздушной, изящной, что я растерялась.

– Ты хочешь пройти испытание? – спросила красавица, смотря на меня.

– Нет, – резко возразил незнакомец.

– А это не тебе решать, Арий, – улыбнулась она, но тепла ни в этой улыбке, ни во взгляде пронзительных серых глаз, я не заметила.

– Что за испытание?

– Не соглашайся, – странный охотник растерял свою невозмутимость.

– Испытаний два. Поймать снежную фею и... Впрочем, второе я еще не придумала, – заметила она.

Я нахмурилась.

– И что я получу, если пройду?

– Его сердце.

Я растерянно повернулась и посмотрела на замершего Ария. Но его взгляд был пустым и каким-то равнодушным, поэтому я снова глянула на незнакомку.

– Это как? Приворот?

Она рассмеялась.

– Ты знаешь, кто он?

– Кто?

– Охотник.

– Тоже мне новость, – фыркнула я.

– И сердце у него теперь ледяное, застывшее, любви не знавшее... Нет в нем ни жалости, ни страха, ни радости... Так ведь вы, люди, о нем рассказываете?

Я вздрогнула и не нашлась, что ответить. Тот самый Охотник, что пускает стрелы, незнающие промаха? Я слышала, что любой упадет замертво. И тот олень... А если бы я... А если бы он...

– Страшно? – мужчина оказался рядом, и от него дыхнуло холодом.

Я развернулась и посмотрела в эти синие глаза. Сколько девушек погибло, пытаясь снять с него чары? И не эта ли чародейка, что величаво стоит и насмешливо смотрит на нас, сотворила заклятие? Для нее люди – забава, игрушка, шалость... И Арий, который когда-то был человеком, тоже ничего не значит. Как он попал под ее чары? Можно ли верить той сказке, что придумали люди? Сколько в ней правды? Есть ли она там вообще? Но... вот же стоят передо мной Охотник и чародейка. И сердце безудержно верит, что может спасти Ария.

– Так что решаешь?

Охотник слегка покачал головой. Но уйду я – появится кто-то другой, умрет, а он все равно не выберется из ледяного плена. Да и куда мне возвращаться? На заклятие к Фролу?

– Я согласна.

Арий вздрогнул и как-то обреченно посмотрел на меня.

Чародейка рассмеялась, и в лесу закружилась метель. Меня подхватили ветра, дернули в сторону, и мир растворился в белом мареве.

* * *

– И в чем подвох?

Я стояла посреди огромного зала, стены которого покрывал иней, а вокруг меня кружились феи. Белые юбки платьев напоминали снежинки, а маленькие волшебные палочки, похожие на острые иглы, то и дело осыпали меня снегом. Все же сказки врут. Волшебство зимы приносят не стрелы Охотника, а эти крошки.

– А ты как думаешь?

– Слишком быстрые? Но их здесь много. Поймаю.

Я оглянулась на Ария, который стоял неподалеку и наблюдал за мной.

Чародейка сидела в высоком кресле, отдаленно напоминающий трон, и улыбалась, не мешая разговору.

– Боюсь, что беда не в этом, – ответил мужчина, вздохнув.

Он протянул руку, и одна из фей доверчиво подлетела и уселась на его ладонь. И тут же вздрогнула, побелела и превратилась в ледяную фигурку. Я охнула и отшатнулась. Мужчина швырнул кусок льда, бывший когда-то снежной феей в стену, и он разбился на осколки.

Чародейка рассмеялась.

– И я...

– Нет. У тебя в ладонях они растают.

– А если посадить на одежду?

– И как долго они продержатся? Пару мгновений. Даже донести не успеешь.

Мужчина вздохнул, с досадой посмотрел на кружащихся фей и, развернувшись, медленно побрел в сторону кресла, где сидела чародейка.

И что делать?

Наверное, это было глупо и неправильно, но...

– Феечки, а феечки, мне совсем не хочется вас убивать.

Рой снежинок закружился вокруг меня. Феи выглядели озадаченными.

– А давайте вместе что-нибудь придумаем, – это я сказала почти шепотом, вглядываясь в прозрачные крылышки.

На меня посыпался снег. Не понимают.

Придется пробовать ловить варежками и надеяться на чудо. Я протянула к ближайшей ладонь и... резко ее убрала. Не могу так. Не хочу убивать. Они же как живые. И такие красивые. И еще безумно похожи на детишек.

Оглянулась. Чародейка по-прежнему сидела на троне и улыбалась, а Арий сжал ладони и смотрел в никуда.

Я отвернулась. Сколько лет он в плену? И как в нем до сих пор остались какие-то чувства? Смеялся же, удивлялся, казался живым... Настоящим.

Феечки подлетели ко мне, протянули свои ладони, кивком

указали на мои.

– Да не хочу я вас убивать!

Волшебные создания замерли, но снова повторили жест. Я вздохнула и протянула руки. Несколько палочек коснулись их, создавая маленький ураган. Одна из феечек нырнула внутрь него и засмеялась. Я, не мешкая, кинулась к креслу чародейки и поднесла ладони к ее лицу. Серые глаза сверкнули злобно и гневно.

– Засчитано, – ледяной голос отразился от стен, а феечка уже выпорхнула из моих ладоней и улетела к подругам. – Можешь отдохнуть. Следующее испытание я еще не придумала. – Поешь, поспи...

«Сойди с ума от неизвестности», – хотелось добавить, но я благоразумно промолчала.

– Я тебе позову через время.

Чародейка встала и растворилась в вихре снежинок. В огромном зале остались мы с хмурившимся Арием и снежные феи.

– Чем ты недоволен?

– Всем.

– Я так сильно не устраиваю тебя в качестве невесты?

Синие озера глаз снова окутали меня, лишая воли. Он подошел, не отводя взгляда, наклонился так, что холод коснулся моего лица.

– Устраиваешь, – ответил тихо. – И мне будет жаль, когда ты умрешь.

– Жаль?

– Да.

– А я слышала, что ты...

– Знаешь, почему ее чары так сильны?

– Нет.

– Она играет на человеческих слабостях. На страхах. И никто, никто из тех, что приходил и желал меня спасти, не смог их побороть.

– Я не трусиха, – заметила обиженно.

– Знаю. И это страшнее всего. Нить между храбростью и безрассудством слишком тонка.

Я вздохнула. В чем-то Арий, несомненно, прав. Но как мне быть?

– Ты можешь отказаться от второго испытания. У меня есть дом. Отведу, будешь там жить. Она не найдет.

И у него останется ледяное сердце.

– Зачем ты ей нужен? – спросила я, проигнорировав его сомнительное предложение.

– Ты не ответила.

– Только с тобой.

– Что со мной?

– В тот дом я вернусь только с тобой, Арий.

Он разозлился. Так разозлился, что в руках у него появился ком снега, который он сжал в ладонях и высыпал на пол. Тот не таял.

– Глупая, – как-то бессильно сказал он.

– А сам... ты вроде не похож на труса.

– Да причем здесь это? Я тебя убереечь хочу. Спасти.

– Благородное и похвальное желание.

Блондин вздохнул.

– Не ешь ничего и не пей. Она добавляет в еду дурман-траву, – смирившись, сказал он.

– Зачем ты ей? – снова спросила я.

– Когда-то я оказался глупцом и отказал ей... в своей любви. Она отомстила. Привязала к себе, перенесла в чертоги, заставила стать тем, кем я не хочу быть. И я могу вырваться из этого плена всего лишь один раз в год. В Ледяную Полночь. Она открывает дорогу, которую может найти тот, кто верит. И дает шанс, – ответил Арий. – Но на самом деле, для нее это игра, не больше. Она никогда меня не отпустит.

* * *

Я не знаю, сколько прошло времени, потому что я провалялась в какой-то полусон-полудрему. Нет, сначала я попыталась покинуть отведенные мне покои, побродить по заколдованному замку, но из этого ничего не вышло. Дверь не открывалась, слуг не было, а еда уже стояла на высоком столике, но я к ней не прикоснулась, вспоминая наставления Ария. И все, что мне оставалось делать – спать, чтобы хоть как-то восстановить силы. Получалось плохо. Я ворочалась на постели, устланной мехами, рассматривала стены, сделан-

ные из толстого льда, и ждала. Ожидание тяготило и не приносило облегчения.

Когда я снова оказалась в огромном зале, даже обрадовалась. На мгновение. Снежных фей уже не было, под ногами бродили сквозняки, а стены, раньше покрытые серебристой бахромой инея, стали прозрачными. Но ничего кроме темноты сквозь них разглядеть было невозможно. Свет лился из синих шаров, висевших под потолком.

– Не передумала? – спросила чародейка.

– Нет.

Она усмехнулась, села в кресло.

– Подойди.

Я выполнила требуемое, рассматривая серебряные узоры на ее пышном платье. Она что-то прошептала, на столике, что находился между нами, появились весы. А на них... на них лежали два сердца. Слева голубое, светящееся, а справа... ярко-красное, сияющее.

– Одно из них принадлежит Арию, одно – тебе. Выбирай.

– Для чего выбирать?

– Кого из вас оставить в живых, – спокойно пояснила чародейка.

– Это нечестно! Вы обещали, что если я пройду испытание, то вы...

– А ты прошла? – холодно уточнила она. – Я отпущу его, если ты выберешь его сердце.

То есть умру. Впрочем, мне никто не давал клятв, что я

останусь жива. И прав Арий, у всего есть цена. У жизни. У слабости. У любви... У последней самая высокая.

– Ария, – спокойно сказала я.

Чародейка поднялась, нависла надо мной.

– Ты смеешь...

– Отпусти, – голос Охотника был невозмутим и тих.

Я дернулась и постаралась успокоиться.

– Она выбрала и сейчас умрет.

– Уверена?

Чародейка взяла мое сердце с весов, сжала, и мир покачнулся. Стало невыносимо трудно дышать, грудь жгло. Темнота заполонила меня. Я упала. И неожиданно все исчезло. Я села и неверяще оглянулась. Сердце по-прежнему лежало у чародейки в ладони, но сколько она не силилась, раздавить его не могла.

– Что ты сделал? Ты... ты защитил его...

– Любовью.

– Ты не можешь ее испытывать, – прошипела она.

– Но она, – мужчина показал на меня, – может. Я всего лишь использовал нужное заклинание.

– Ты... ты...

– У нее великое сердце. Храброе, сильное, верящее. Твои чары бессильны.

– У тебя оно тоже было таким, но я смогла...

– Ты меня обманула.

– Поверил же...

– Поверил. И дорого за это заплатил. Знаешь, раньше я думал, что буду сожалеть вечность, ненавидеть тебя, желать убить...

Арий вздохнул.

– А теперь? Неужели ты не испытываешь ярости?

– Теперь я думаю, что если бы не твое колдовство, то никогда бы не встретил свою судьбу.

Голос мужчины звучал спокойно и ровно. Будто бы он говорил о том, что получил очередное письмо от дальнего родственника.

– Прощай, – тихо сказал Арий.

Чародейка что-то бессильно закричала, но мужчина не отозвался.

Развернулся и подошел ко мне. В это мгновение я увидела, как в руке чародейки растаяло мое сердце. Второе же, уже ярко-красное, а не голубое, с мгновение лежало на весах, а после тоже исчезло. Злая магия сгнула. Чародейка взметнулась в появившейся метели, оставляя после себя лишь рой снежинок. Она проиграла, признала это...

– Как тебя зовут? – спросил Охотник.

– Анна, – растерянно отозвалась я.

– Арий. Приятно познакомиться.

Он протянул руку и улыбнулся. Открыто, искренне. Синие глаза сияли, так, что звезды бы позавидовали. Я коснулась его ладони. Теплая.

– Что сначала? Представишь меня своим родственникам

или посмотрим дом?

– К-какой дом?

– Тот, в котором мы будем жить. Ты ужасно невнимательна, – усмехнулся он, касаясь пальцами моей щеки. – И кстати, раз уже почти наступила Ледяная Полночь, с тебя подарок.

Я опешила и уставилась на него.

Мужчина пальцами провел по моим губам, смотря на меня с легкой улыбкой. Явно намекал на поцелуй. Я зажмурилась, поднялась на цыпочки, коснулась его губ. Сладко-то как и совсем не страшно. Разве что самую чуточку. А вдруг, это волшебство исчезнет?

– С меня тоже подарок, – прошептал он, поглаживая ладонями мое лицо.

Я промолчала, сосредоточенная только на его прикосновениях и искрах, скользящих под кожей.

– Даже не спросишь какой?

– Какой? – послушно прошептала я.

– Сердце. Мое ледяное сердце, – ответил Арий, снова находя мои губы.